

Перцептивная область и координационное управление в межконфессиональных отношениях

Д.Г. Курачев^{1а}, Л.Г. Курачева^{2б}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Брянский филиал, г. Брянск, Российская Федерация

²Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6325-8752>, e-mail: kyrachev@mail.ru

^бORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6348-9462>, e-mail: larisakuracheva@mail.ru

Резюме: В настоящей работе раскрывается перцептивная область межконфессиональных контактов, ее содержание, функции, формы, сфера охвата. Эмпирически верифицируются взаимоотношения традиционных и нетрадиционных религиозных общностей на разной глубине воцерковленности. Полевая работа, послужившая базой для дальнейшего обобщения, проводилась в Москве, Прикамье, Башкортостане на выборке около 3000 верующих. В число приверженцев исследуемых конфессиональных сообществ вошли представители православия, мусульманства, финно-угорского язычества, а также Иеговисты, Адвентисты, Пятидесятники, Вайшnavы (кришнаиты). Методологическая позиция сгруппирована через компиляцию кантовского трансцендентального, социокультурного и структурного подходов, диалектики, культурной антропологии и социальной феноменологии. Исследование проводилось посредством включенного наблюдения, с полным погружением в обыденность жизни изучаемых конфессиональных групп, а также применением семантических, проективных, опросных методов. Анализируется специфика социальных установок на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях, семантическая наполненность перцептивных образов. Показана специфика реакций в конфликтных ситуациях. Актуализируется дискурс о потенциальной опасности и реальной угрозе в конфессиональной области общественных отношений, невозможности оставления этих процессов в сфере свободного и неконтролируемого плюрализма, необходимости госопосредствования. Обсуждаются приемы сдерживания межрелигиозных антагонизмов.

Ключевые слова: межконфессиональная перцепция; религия; конфликт; толерантность; воцерковленность

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Курачев Д.Г., Курачева Л.Г. Перцептивная область и координационное управление в межконфессиональных отношениях. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(4):934–956. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-4-934–956

Perceptual domain and coordination control in interfaith relationships

D.G. Kurachev^{1a}, L.G. Kuracheva^{2b}

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Bryansk branch, Bryansk, the Russian Federation*

²*Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6325-8752>, e-mail: kyrachev@mail.ru

^bORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6348-9462>, e-mail: larisakuracheva@mail.ru

Abstract: This paper reveals the perceptual field of interfaith contacts, its content, functions, forms, scope. The relationship between traditional and non-traditional religious communities is empirically verified at different depths of church formation. The field work, which served as the basis for further generalization, was carried out in Moscow, the Kama region, Bashkortostan on a sample of about 3,000 believers. Among the studied confessional groups there are Orthodoxy, Islam, Finno-Ugric paganism, Jehovah's Witnesses, Adventists, Pentecostals, Vaishnavs (Hare Krishnas). The methodological position is grouped through a compilation of Kant's transcendental, socio-cultural and structural approaches, dialectics, cultural anthropology and social phenomenology. The study was conducted by means of included observation, with full immersion in the everyday life of the studied confessional groups, as well as the use of semantic, projective, and survey methods. Thus, the paper analyzes the specifics of social attitudes at the emotional, cognitive and behavioral levels, as well as the semantic fullness of perceptual images. Moreover, it also illustrates the specifics of reactions in conflict situations and touches upon the problems connected with revealing the discourse on the potential danger and real threat in the confessional sphere of public relations, the impossibility of abandoning these processes in the sphere of free and uncontrolled pluralism, the need for state mediation. Finally, the research discusses the means of containing interreligious antagonisms.

Keywords: interfaith perception; religion; conflict; tolerance; churching

For citation: Kurachev D.G., Kuracheva L.G. Perceptual domain and coordination control in interfaith relationships. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(4):934–956. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-4-934–956

Введение

Важнейшим культуuroбразующим фактором является фактор религиозный, его мобилизационный потенциал продолжает влиять на характер идентичности и культурное своеобразие социальных групп. Это влияние весьма неоднозначно, с одной стороны, конфессиональная приобщенность обуславливает определенную социальную нормативность и предписывает регламент поведения, то есть встроена в социальный контроль, с другой, религиозная идентичность оборачивается социальным размежеванием и отчуждением.

Очевидно, что в современном обществе, при выраженных миграционных процессах и конфликтах на границах «культурных миров», межконфессиональные отношения становятся весьма проблемным фактором возможной нестабильности. От того, как будут восприниматься иноверцы, будет зависеть благополучие в гораздо более широком содержании спектра социальных контактов в обществе, чем просто религиозные и национальные отношения. Собственно дестабилизация межконфессиональных отношений создает непосредственную почву для цветных революций и вооруженных конфликтов.

Проблема межконфессиональных отношений носит междисциплинарный характер и, несмотря на усиленное внимание, на данный момент еще находится на начальных этапах концептуальной разработки. Зачастую эта область общественной жизни остается в сфере теоретического дискурса и выпадает из поля научно-эмпирической верификации. В имеющейся литературе прослеживаются преимущественно исторические и общетеоретические суждения, серьезных социологических и психологических исследований, к сожалению, пока еще недостаточно. Межконфессиональные отношения описаны чаще всего через взаимодействие, культурный обмен (интроекция) и коммуникацию (обмен информацией, диалог). Попыток представить, рассмотреть и проанализировать их в русле перцептивных априорных форм ранее не предпринималось. Инновацией настоящей работы является эмпирическое изучение по преимуществу именно перцептивной семантики в неокантианской парадигме. Подход дает возможность заглянуть за внешний видимый план межрелигиозных отношений, в сферу недемонстрируемых аффективных, когнитивных, поведенческих установок, накопленного исторического опыта в контексте позитива/негатива, таким образом реально спрогнози-

ровать возможные сценарии развития событий. Согласно данному подходу, субъект творит объект как синтетическую единицу своего восприятия, это позволяет на скрытой-невидимой стадии выявить специфику и деструкцию еще до ее непосредственного проявления в поведенческих отношениях, когда конфликт находится в латентной стадии, как априорная форма уже существует, но еще не проявился в открытом деструктивном противостоянии. Данный подход позволяет проводить социально-психологические мониторинги, смещая исследовательскую активность с объективной ситуации на процесс ее вызревающей объективации.

Предметной областью данного исследования выступал перцептивный аспект межконфессиональных отношений. В качестве цели – построение их модели-концепции с возможностью прогнозирования и регулирования. Задачи: определение выраженности, своеобразия и представленности феномена в общественных отношениях; анализ его возрастного контекста, то есть демографии формирования; специфики непосредственно внутри и на периферии субкультур; семантического и установочного содержания; эмоциональных, когнитивных установок; поведенческих реакций в обычных ситуациях и ситуациях конфликта.

Методы и материалы

Реализация представленных задач принципиально возможна только в непосредственной мониторинг-диагностике, осуществляемой с применением пакета диагностических методов полевой работы.

Методики: наблюдение (с полным включением в обыденность жизни изучаемых конфессиональных групп), «Семантический дифференциал» (Ч. Осгуда); метод фрустрационных реакций Розенцвейга (авторская адаптация В.С. Мухиной, К.А. Хвостова); Айовский тест двадцати высказываний «Кто Я?». М. Куна, Т. Макпартленда и его авторская вариация (школа символического интеракционизма); анкетирование диагностики эмоциональных, когнитивных, поведенческих социальных установок [1; 2; 3].

При грамотной методологической компиляции в междисциплинарных и кросс-культурных исследованиях современного аналитика с необходимостью будут ожидать новые горизонты и открытия, и главное, более адекват-

ное понимание того, что происходит с религиозными конфессиями в мире и Российской Федерации в частности [4, с. 310].

Математическая обработка полученных результатов для различных нужд осуществлялась с помощью F-теста (критерий Фишера); критерия 2 (критерий согласия Пирсона); t критерия Стьюдента и U-критерия Манна-Уитни.

Важно уточнить следующее. Настоящая статья представляет собой третий уровень концептуального синтеза и генерализации данных, промежуточные ступени анализа в данной конкретной статье по понятным причинам опускаются. Наглядно и непосредственно с таблицами математических результатов и сопутствующим подробным анализом можно ознакомиться в указанных работах автора [5, с. 147–206; 6, с. 142–226]. Приведение огромного количества цифровых и статистических данных в настоящей статье невозможно и нецелесообразно.

Площадка исследования. Непосредственная эмпирическая (полевая) работа проводилась в Москве, в Прикамье, в Башкортостане, выборку составили 3000 верующих из различных традиционных и нетрадиционных профессиональных сообществ.

Теоретическими основаниями явилась философская неокантианская конструкция, в которой чувственные и априорные формы находятся в сложном единстве. Последние упорядочивают и наполняют первые. Перцептивные формы – нечто автономное, относительно независимое. Благодаря априорным формам воспринимаемый объект не берется как данность, а конструируется. Следуя этой логике, образы социальных отношений – это некий результат доопытного формирования и своего рода порождение ума, будь то общественного или индивидуального. Социальная перцепция состоит в конструировании объектов. Разум конституирует из себя мир, который мы воспринимаем как тот или иной культурный или социальный объект. Общественные отношения возникают в значительной степени априорно в нашем уме. Образ социальной перцепции должен согласовываться с формой мышления, а не форма мышления с объектами социального мира. Конечно, объективная действительность форму определяет, однако следует отметить

весьма длительный этап процесса формирования и устойчивость постфактум самой формы.

В психологии была предложена модель по программе Д. Брунера «Новый взгляд» [7, с. 115–130]. Перцепцию в социальной форме следует понимать как результат, сложившийся в онтогенезе и филогенезе, с ней напрямую соотносятся социальные и культурные объекты. Можно говорить и об императивном метафизическом основании, но, как известно, сам Кант в научности метафизике отказал, поэтому оставим этот вопрос за скобками. Итак, объектами и субъектами перцепции являются религиозные общности. По закону фаворитизма и дискриминации общность моделирует в восприятии «чужих» априорные формы, которые негативны, пристрастны и нелояльны. В психологических работах по большим группам указывается [8, с. 198; 9, с. 99–100], что данные виды социальных отношений активизируют формы, которые как по некому плану развертывают физические социальные отношения. «Чужие» видятся через форму-эталон, диаметрально отличающийся от «Мы группы». Чужой видится деперсонализированно и негативно окрашен по формуле, как правило, «хуже своего».

Таким образом, согласно представленной модели, образ своей и чужой религии – это априорная форма рассудка. Важно изучить, каков он у конкретных представителей религиозных групп, регламентируют ли религиозные табу и предписания сколь-либо заметный социальный конструктив (помимо своих) или, напротив, нацелены исключительно на дестабилизацию и конфронтацию. Возможно предположить, что априорные перцептивные конфессиональные формы не только различны к разным конфессиям, но и построены по принципу матрешки, где внешне позиционируются одни установки, но при этом другие тщательно скрываются и проявляются сложным образом косвенно. Выявить подобного рода фактологию достоверно-доказательно (с цифрами и процентами) посредством даже сложных мониторингов затруднительно, но возможно.

Результаты исследования

Проведенное эмпирическое исследование с последующей многофакторной обработкой всего массива полученных данных позволило сформулировать ряд следующих обобщений.

Религиозные настроения, несмотря на секулярную атмосферу и постмодернистские веяния в современном российском обществе, достаточно мощно проявлены (особенно у образованных слоев населения), они не скрыты в индивидуальных исканиях и религиозных ориентациях синкретического плана, но находят свое выражение через идентификацию с конкретной конфессиональной группой. В конфессиональной идентичности тюркоязычные мусульмане гораздо более пассионарны, чем славяноязычные православные.

Через лояльность и идентификацию с религиозной группой адепт подпадает под иерархический и догматический контроль сознания, становится проводником соответствующего религиозного мировоззрения.

Активность на территории современной России конфессиональных групп и прозелитизм некоторых из них есть, по сути, конкуренция за власть над умами. Среди глубоко верующих не принято отдавать приоритеты светским источникам информации, влияние религии может в гораздо более значительной степени превосходить влияние государственных средств массовой информации. Верующие находятся в самодостаточном «информационном коконе». Религиозная идентичность проявляется мощно как у получивших неплохое образование, так и при недостаточной общей образованности. Догматическая пропедевтика на низком уровне не является препятствием к религиозной идентичности. Конфессиональная общность сама для себя является автономной идеологической ценностно-ориентационной субстанцией, замкнутым в себе самодостаточным жизненным миром. Приобщенность к нему катализируют у адептов процессы социокультурного взаимовосприятия и размежевания, межгруппового сравнения и обособления.

Социальное размежевание на почве религии требует особого внимания, так как известно, что конфессиональные группы не одинаково лояльны по отношению к светским ценностям и законам магистрального общества. Российская Федерация – светское государство¹. Степень антагонизации с окружающим светским пространством определяется входением в конкретную конструктивную/деструктивную и традиционную/ нетрадиционную религиозную общность. У сектантов социальная перцепция жестко опосредство-

¹ *Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) "О свободе совести и о религиозных объединениях" (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 01.11.2022).*

вана культовыми клише и ксенофобией. В меньшей степени такой негатив обнаружен у представителей традиционных для России религий. Приход на территорию России новых, нетрадиционных конфессиональных групп или так называемых традиционных конфессий (с отсутствием позитивного опыта сосуществования с титульными конфессиями) – это фактор дестабилизации и социальных рисков.

В сфере перцепции латентно, как в сжатой пружине, сфокусированы и архивированы картины мира, ценностные смыслы и цивилизационные противоречия. Межгрупповая перцепция ввиду этого позиционируется нами как ядро и пружинный механизм межконфессиональных отношений.

Обнаруженные в результате исследования различия по степени воцерковленности и конфессиональной погруженности верующих позволили выделить центр и периферию соответствующих субкультурных групп (воцерковленные/не воцерковленные). Необходимо подчеркнуть, что в данных группах перцепция имеет некоторые различия. На периферии субкультур (от 97 до 94 % верующих) перцепция представлена секулярностью, выраженной терпимостью к инакомыслию и критической саморефлексией. В центре (в зависимости от конфессии у иудеев 3 %, у православных по регионам до 5,5 %) стереотипы и догматические клише словно зашоривают личностную рефлексию, «чужие» воспринимаются с неимоверно меньшей адекватностью. На периферии восприятие представлено субъективно-личностным окрасом, широким веером секулярных образов, выраженной терпимостью. В центре (у воцерковленных) в нем чаще фигурируют стереотипы, нелояльные и агрессивные оценки, догматические клише и табу, менее выражена здоровая самокритика. Обнаружена схожесть у верующих, находящихся в инварианте культур традиционных религий, и у сектантов.

Надо отметить, что в плане лидерства, личностной и социальной активности духовенства и «воцерковленные» определяют подавляющую часть всей субкультуры, весь уклад, ценностные позиции и ориентации остальной периферийной части верующих.

Сензитивность верующих к мнению и картине мира духовенства и воцерковленных очень велика. Огромное влияние глубоко религиозных людей на периферийных прихожан могут иметь как следствие позитивные эталон-

ные аспекты викарного обучения, так и при злоупотреблениях приводить к конфликтам.

В целом можно констатировать, что в современном так называемом светском Российском обществе межконфессиональное восприятие активно проявляет себя в широком спектре общественных отношений. Оно есть явление не какое-либо фрагментарное и ситуативное, напротив, достаточно мощно представленное. Одним из достоинств настоящей работы считаем установленный факт, что межконфессиональная перцепция обладает выраженным и своеобразным семантическим содержанием и диапазоном охвата сфер социальной ткани, отличным от региональной, классовой, этнонациональной и др. составляющих. При кажущейся схожести этнонациональной и религиозной идентичности эти феномены совсем неоднородны. Религиозная идентификация оказывается более приоритетной, она надстраивается над этнической идентичностью и через догмы и предписания выступает в роли мощной идеологии. Парадоксальным образом интернациональные мировые религии христианство и ислам представляются в глазах верующих как бы узконациональными. Очень важно учитывать, что религиозные противоречия есть серьезная кросс-культурная проблема и в гармонизации этноконфессиональной жизни общества в приоритете должна находиться именно конфессиональная составляющая как мировоззренческая и идеологическая матрица. Важно держать на контроле, под влиянием каких (и чьих) настроений эта матрица функционирует.

Обнаружены следующие тревожные тенденции. Среди некоторых социальных групп (мигранты, прибывшие из горячих точек, некоторые меньшинства, представители квазиэтнических анклавов, учащиеся духовных образовательных организаций) можно наблюдать своего рода новую волну конфессионального ренессанса. В данных анклавах религиозная вера имеет, мягко говоря, некоторые особенности, где под культовой фразеологией и псевдорелигиозностью скрываются иные идеологические начинки, приправленные зарубежным финансированием и тщательно замаскированные вплоть до состояния спящей ячейки. Под ширмой вполне традиционной конфессии в подобного рода группах царят весьма радикальные настроения, вполне способные вырваться за свои пределы и повлиять на гораздо более широкие мас-

сы верующих. Эти группы могут быть настолько тщательно замаскированы, что выпадают из поля внимания соответствующих правоохранительных и силовых ведомств. Фактор мимикрии под традиционные конфессиональные группы, несомненно, надо учитывать.

При исследовании области семантики у верующих обнаружены специфичные оценочные ракурсы и знаково-смысловые области. В частности, особые установки, которые позиционируются в отношении к конкретной конфессии, к ее представителям и др. Различные компоненты как бы конвергируются в единый целостный образ поведенческих, когнитивных, эмоциональных установок.

Через внешний поведенческий уровень общения, в повседневных контактах более глубинные установки склонны камуфлироваться социальными ритуалами приличия. Верующие не хотят открыто демонстрировать своего реального отношения к иноверцам и маскируют его. При этом на когнитивном уровне обнаруживаются обособления, а на эмоциональном – отчуждение и пренебрежение. Это экспоненциально и свидетельствует о том, что обыденные социальные контакты слаженнее и многослойнее, чем кажутся, в них многое скрыто и не проявлено. Как следствие, во всем поликонфессиональном социуме кажущееся общественно-политическое спокойствие совсем не «спокойно».

При изучении перцептивной области межконфессиональных отношений в контексте его возрастной демографии обнаружено, что религиозная социализация в самых широких социальных слоях вполне себе жива и функционирует. Первичные религиозные представления обнаружены уже в раннем возрасте (с года до трех лет). Вероятно, они закладываются и интериоризируются ребенком в общем контексте присвоения знаковых систем окружающей культуры. Активное формирование происходит на фоне вызревания формальной когнитивной стадии по Пиаже – это подростковый возраст. В юношеском возрасте все атрибуты перцепции иноверцев в полной мере актуализированы и сформированы, в силу специфики периода онтогенеза, даже радикализированы. Данные явления делают указанную возрастную группу (17–25 лет) особенно сензитивной для возможностей манипуляций со сто-

роны пропаганды от радикально настроенных религиозных кругов и идеологий.

Обсуждение и заключение

Одним из приоритетов нашей работы было выстраивание концептуально-методического аппарата таким образом, чтобы не ограничиваться констатацией данных, но выходить на траекторию прогноза. Исследование априорных форм восприятия для данной цели, на наш взгляд, наиболее подходяще. Кроме того, некоторые проективные методы также исследуют латентные установки. В частности, в процессе диагностики посредством методики Розенцвейга обнаружилось, что абсолютно любая межгрупповая и социальная напряженность на социальной почве является триггером катализации конфессиональных конфликтов. Они, кроме того, имеют тенденцию «распаковываться» за свои пределы и перескакивать на иные формы социальных связей.

В столкновениях и конфликте межконфессиональная перцепция проявляется в формах лояльности, адекватности, агрессии, неадекватности, игнорирования, отчуждения и др. Агрессия и нелояльность в большей мере адресованы чужим, тогда как своим – лояльность и адекватность. После ситуации смоделированного конфликта фрустрация, полученная от «своих», ретушируется, но при этом остается затаенная агрессия и обида по отношению к чужим, что вновь воспроизводит конфликт по круговой цепи.

В поведении, в ситуациях конфликта, у представителей различных религиозных групп имеются различия. Межгрупповой конфликт мощно катализирует фаворитизм и межрелигиозную дискриминацию, вплоть до геноцида.

Примечательно, что в схемах межконфессиональной перцепции в диалектическом единстве существуют априорные формы, способные как катализировать противоречия и конфликт, так и гармонизировать.

Пространство перцептивной стороны межконфессионального общения через симпатии и антипатии можно проиллюстрировать в типах.

По толерантному типу общение разворачивается у православных и мусульман. Исторический опыт соседства между двумя великими ре-

лигиями на территории Российской Федерации привел к реализации конструктивного взаимоуважительного добрососедства. В семантическом поле перцепции налицо амбивалентный баланс между идентификацией и отчуждением, это зона своего рода «доверия и взаимоуважения». Вне депривации и фрустрации явных противоречий и конфликтов между верующими данных религий не обнаружено. В отношениях православных и мусульман обнаружена поляризация негатива и позитива. Дихотомия амбивалентно представлена в диалектическом единстве противоположностей как на субъективном, так и на интересубъективном уровне. Двойственность, на наш взгляд, отражает соотношение полярных тенденций обособления и идентичности, уважения себя и одновременно православных, а в восприятии «Мы» здоровую критическую рефлексию культурных императивов. Весьма примечательно, что между исламом и христианством в мировой практике далеко не всегда имеет место конструктив, данный тип общения можно представить как своего рода «образец добрососедства» авраамических традиций. Равномерная поляризация есть разумный баланс, и ее следует понимать как «конструктив» в межконфессиональных отношениях.

Перцептивная сторона общения между представителями ислама, православия, язычества, то есть традиционных для России конфессиональных групп по отношению к нетрадиционным (большинству протестантских деноминаций, кришнаитам и др.), проявлена обособленно-недифференцированным типом отношений. Содержание семантических образов фрагментарно, бедно, сами они аморфны, диффузны, а непосредственные контакты между верующими слабо проявлены.

У представителей ислама и православных христиан по отношению к финно-угорскому язычеству проявляется отчуждение и большое количество негативных и деструктивно окрашенных образов. Такой тип восприятия мы назвали негативно-конфликтным. Отличием его от предыдущего типа является большая актуализация образа перцепции и более явно насыщенное агрессивным наполнением семантическое содержание.

Обнаружено, что у представителей верующих из нетрадиционных для России религиозных групп аутоперцепция характеризуется нарциссизмом, элитарной ментальностью и замкнутостью в собственной картине мира.

То есть, как следствие, вхождение в секты влечет за собой формирование особой установки на радикализацию и нетерпимость к иноверцам. Это в гораздо большей степени проявляется у представителей верующих из нетрадиционных групп, чем у верующих мусульман или православных. Тип межконфессиональных отношений определен как радикально-изоляционный.

У финно-угорских язычников обнаружен особый маргинальный тип. Такое название обусловлено аномалиями инверсии межгруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации. Верующие, соотносящие себя как «язычника», хорошо рефлексируют негатив и обособление со стороны представителей авраамических традиций. При этом у них обнаружена поверхностная диффузная идентичность. Такой тип сопровождается социальной дезадаптацией. Можно констатировать, что финно-угорское язычество на исследуемой территории вымирает, а его носители обречены на ассимиляцию.

Вышеприведенная типология – это некий общий абдуктивный срез или концепт объяснения социальной реальности, который может быть использован при понимании межконфессиональной перцепции в иных географических и культурных регионах.

Формы межконфессиональной перцепции проявляют себя не всегда явно, но косвенно они склонны «скрываться» и распространяться в самых различных областях социальных отношений, непосредственно не связанных с межконфессиональными контактами. Порой приобретают изощренные формы, обходя явные, видимые противоречия, латентно проникают в бизнес, сферу масс-медиа, органы государственной власти и др.

Представители конфессий далеко не всегда сгруппированы в большие сплоченные образования. Скорее их представленность в социуме проявляется через своего рода сетевой характер. При этом религиозная идентификация и ориентация на конфессиональную приверженность предопределяет демаркацию с «Чужими» и безошибочную верификацию «Своих».

Анализ межконфессиональной перцепции экспонирует межрелигиозные отношения как феномен, проявляемый и эквилибрирующий в сумме разнообразных политических течений, социальных связей и массовых эмоций. Диапазон форм весьма разнообразен: широта – локализованность, субъект-

ность – интерсубъективность; выстроенность – аморфность; конструктив – деструктив и др.

Диверсификация форм не исключает возможность и необходимость контроля над данными процессами. Принимая во внимание потенциальную возможность негативного и неконтролируемого разрешения антагонизмов, конфессиональные общности, со всей очевидностью, не могут выступать как самодостаточные акторы в структуре саморегуляции общественной жизни или так называемого гражданского общества. «Выскальзывание» данной формы общественных отношений в неуправляемое русло просто недопустимо. Для амортизации массива антагонизмов необходимы посреднические усилия прежде всего таких мощных акторов, которые должны обеспечить конструктивное сосуществование и баланс интересов всех традиционных религий. Государство как социальная система для сохранения своей прочности по определению не может находиться в безучастной позиции и игнорировать актуальную необходимость координации этой сферы.

Основные выводы исследования

В качестве средств координационного управления противоречиями и сдерживания конфессиональной ксенофобии должна выступать выверенная концептуальная плановая стратегия с проработкой ряда моментов, нуждающихся в свою очередь в тонкой и тщательной демаркации. Среди данных реперных точек, на наш взгляд, в качестве первостепенных следует обозначить такие.

1. Вопрос идеологии. Идеология, как известно, есть функция интересов правящего класса, то есть власти. Вопрос: к какой системе (в том числе конфессионального мировоззрения) принадлежат ключевые лица из так называемого правящего класса? Принимая во внимание, что сама классовая дифференциация имеет этноконфессиональные формы своего скрытого и явного выражения, следует брать за точку отсчета конкретную систему интересов конкретной (конфессиональной) общности, которую проводят в жизнь политические элиты. Несмотря на конкуренцию в правящем классе доминировать будет всегда кто-то один. Соответственной будет и идеология (даже если по закону признается идеологическое многообразие и отсутствие диктата

обязательной. Статья 13. Конституции Российской Федерации). Подобного рода доминирование не будет явным, скорее скрытым, незаметным и косвенным, поскольку реальные политические процессы имеют широкий и мощный неформальный план. Они слишком сложны и, к сожалению, далеко не всегда способны уместиться в существующих формальных институтах и законодательных нормах (Статья 14 1. Конституции Российской Федерации)². Другими словами, при координации межконфессиональных отношений необходимо исходить из контекста определения и постулатов идеологической позиции, в соответствии с которой будет осуществлена пропаганда конструктивного соседства и баланс конфессиональных и цивилизационных интересов в обществе.

2. Онтологические противоречия. Для координации и гармонизации межконфессиональных отношений крайне важно понимание непримиримой, онтологически противоположной сути догмато-ценностных противоречий. Речь, собственно, идет о «религиозном конфликте», проявлении пролонгированного цивилизационного антагонизма, где «чаша весов» может в любой момент перевесить либо в пользу оптимизации, либо обострения. Деятельность по гармонизации в данной области, надо отметить, весьма тонкая и щепетильная. Сфера межконфессиональных отношений как инвариант цивилизационных противоречий в каком-то смысле и есть пресловутые движущие силы общественных отношений и исторического процесса, «мотор истории», они в большей мере подходят для объяснения исторической диалектики, чем марксистские классовые противоречия. В силу своей природы они не предполагают даже близкой вероятности и возможности своего полного, законченного разрешения, как может показаться в контексте привычной логики «диаматовской» интерпретации. В классическом гегелевском смысле они сами по себе суть некоторый переход, синтез и субъект, в котором являют себя, продукт собственной рефлексии их понятия [10, с.298]. Исходя из данной позиции управление как координация межконфессиональных отношений по своей сути есть бесконечный процесс разрешения конфликтов, находящихся

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.03.2023).

на разных стадиях зрелости и проявленности. Кроме того, еще раз следует отметить, что в формах межконфессиональной перцепции латентно существует инструментарий внутригрупповой и даже межгрупповой оптимизации. При попытках координации и регулирования следует не столько пытаться разрешить религиозные противоречия как гордиев узел, сколько привести их в балансовое, оптимальное для конкретного временного момента и территориального пространства соотношение.

3. Экуменизм как деструктивная позиция. При решении проблемы координации и оптимизации межконфессиональных отношений у многих чиновников как от духовных институтов, так и от государства уже возникали ранее и могут возникнуть соблазн и мотивация объединить всех и переделать «чужого» в «другого», а «другого» в «своего». Такого рода объединение суть лицемерный акт, в котором внешне демонстрируемая позиция взаимного компромисса противоречит с сущностью догматических ценностей. Экуменизм в мягком варианте – лишь поверхностные и неискренние вербальные интервенции. В жестком – распад и смерть традиции, предательство религиозной идентичности и сдача собственных интересов в пользу оппонента. Если угодно, то экуменизм и есть эсхатологическое люциферианство. Конструктивное координирование межконфессиональных отношений не означает догмато-ценностного или богослужебного смешения. Как цель и средство оно должно нести в себе покаяние, прощение и любовь. Необходимо отказаться от ксенофобии, параллельно со стоянием в своей вере признать духовные достоинства других вероисповеданий. Оставаясь в своей аутентичности, сохраняя позицию устойчивости к внешним воздействиям, при этом проявлять уважение к иноверцам. «Гармония в многообразии», на наш взгляд, не только возможна, но и необходима при уходе от установки воинственной экспансии, диктата и желания переделать кого-то под собственные лекала. Напротив, нужно знакомиться с культурной инаковостью конфессионального разнообразия. «Не менять, но принять и понять» представителей иных традиций и за счет этого внимательно и с большим пониманием относиться к своей религии.

4. Проблема толерантности. Органическое объединение точек зрения возможно при охвате их какой-либо общей идеей, достаточно глубокой, что-

бы всех объединить: идеи взаимовыгодного добрососедства, стабильности в среде всего общества, всех возрастов, социальных групп, конфессий, как атеистов, так и верующих различных уровней религиозной вовлеченности. Данная идея соотносится с понятиями культурного многообразия и толерантности. Термин «толерантность» интерпретируется достаточно широко и свободно, в значительной степени испорчен газетными клише, имеет разные толкования, определяется в социальных дисциплинах порой весьма противоречиво. На протяжении почти трех десятилетий термин, находясь в зоне дискурса, подвергался критике. Тем не менее вместо него ничего альтернативного пока не предложено. В мультикультурном социуме что-то должно сдерживать ксенофобию, олицетворять в себе идеалы мира и добрососедства, уважения к цивилизационному многообразию. Конечно, идея должна не отталкивать, а привлекать внимание. Необходимо дать ей четкое содержание и определение. Мы понимаем под толерантностью способность сохранять собственную аутентичность в условиях цивилизационного многообразия и устойчивость к деструктивным воздействиям. В определении исключается возможность терпимости к пороку и вседозволенности. Кроме того, толерантность бывает только взаимной и предполагает наличие антипода – нетолерантности, носит избирательный характер и не распространяется на нечто разрушительное, в том числе и на многие религиозные и квазирелигиозные группы. Мы категорически против позиции насаждения псевдотолерантности. Необходим дифференцированный подход к понятию: да, толерантным и милосердным можно быть даже к врагу или к сопернику, но к извращенцу, преступнику глупо и аморально.

В условиях неопределенности, изменчивости и разных обстоятельств координация процессов межконфессиональных отношений требует как сбалансированного, гибкого и творческого подхода, так опытного и образованного руководителя. В настоящий момент на федеральном уровне органами государственной власти, осуществляющими политику управления межконфессиональными отношениями, являются: Минрегион России (защита прав меньшинств); МВД России (миграционные процессы); Минюст России (надзор); Минобрнауки России (образование); Минкультуры России (наследие); Министерство спорта, туризма и молодежной политики (воспитания моло-

дежи); Минкомсвязи России (массовые коммуникации); Минэкономразвития России (формирования целевых программ); Минздравсоцразвития России (трудовой миграции); Генеральная прокуратура Российской Федерации; ФСБ России. Есть основания полагать, что имеется некоторая размытость полномочий среди очень солидной представленности акторов управления. В подобного рода многообразии конфессиональные иерархи порой не знают, к кому обратиться для решения конкретных задач.

О том, что существуют такие организации, как «Межрелигиозный Совет России», «Международная организация религиозной свободы» и др., вряд ли уместно упоминать в контексте целей нашей работы. Данные структуры скорее более церемониальны, чем практичны и действенны, если там и существует диалог, то в среде конфессиональных иерархов он ограничивается банальными декларациями, в частности: «Религия не должна использоваться для оправдания зла войны, а Бог не может быть заложником человеческой жажды власти»³.

В социально-политической реальности при реализации межконфессионального добрососедства отдельные органы, департаменты: ФСБ, полиция, гражданские объединения, добровольные организации, конфессиональные власти – на высшем и среднем уровне действуют разрозненно и не всегда эффективно, потому что нет необходимой координации между ними, эти функции четко никому не делегированы.

Учитывая столь внушительный список различных инстанций, возникает мотивация создать некую единую структуру, которой следовало бы делегировать соответствующие функции, например «Департамент по регулированию межконфессиональных отношений», вспоминается комитет по делам религий в СССР, и возложить на нее необходимые функции регулирования. Среди них: пропаганда концепта конструктивного взаимососедства, мониторинговые исследования, организация взаимодействия с органами власти, диалог духовенства, конфессионально-культурная адаптация мигрантов и многое другое. Вроде бы все логично, но подобного рода меры не везде и не всегда будут эффективными. К тому же при президенте и правительстве уже

³ Полное выступление Папы Римского на VII съезде лидеров мировых и традиционных религий. LIVE. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=1Iy6VL6RJgs/> (дата обращения: 01.11.2022).

имеются общественные советы, межведомственные комиссии, при губернаторах в каждом субъекте РФ существуют соответствующие уполномоченные, а раздувание бюрократического аппарата, как известно, редко решает проблему. Следует добавить также, что сформирован целый ряд движений по противодействию экстремизму и ксенофобии, действуют программы в сфере регулирования межконфессиональных отношений. При всем при этом ситуацию с содержанием аппаратной стороны в значительной степени усложняет дефицит управленческих кадров, способных осуществлять подобного рода деятельность как тактически, так и стратегически.

На наш взгляд, самым уязвимым звеном в цепи управления перцептивной и интерактивной сферами межрелигиозных контактов представляется недостаток квалифицированных кадров. Собственно конструкция координационно-управленческой модели должна начинаться не столько с создания соответствующего департамента, а через процесс обучения и образования профильных специалистов. В РАНХиГС Северо-Кавказской академии государственной службы, РИУ им. Кунта-Хаджи, Нижегородском институте управления – филиале РАНХиГС, КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь) имеются соответствующие направления подготовки. При этом ежегодный выпуск остается недостаточным. Программы обучения находятся на начальной стадии апробации и недостаточно централизованы.

Правильным подходом будет являться тот, где идея гармонизации, регулирования и управления межконфессиональной сферой будет начинать свою реализацию и развитие в логике всех сопутствующих событий, с этапа непосредственной подготовки конкретных специалистов. Обучение по направлению подготовки «межконфессиональные отношения» возможно не только в формах специалитета или магистерских программ государственного и муниципального управления, но и по иным направлениям подготовки, в том числе начиная с блока конкретной предметной дисциплины «Межэтнические и межконфессиональные отношения». Кроме того, необходимо расширить поле образовательной деятельности за счет курсов переподготовки кадров и возможностей дистанционного обучения, спустить начальную подготовку в образовательные организации среднего звена (как в некоторых регионах РФ).

В рамках конкретного предложения и дискурса позиционируем авторский концепт, основанный на материалах кандидатской и докторской диссертаций 1994 г. и 2005 г. соответственно, опубликованных в ряде монографий и статей на разных уровнях.

Курс «Межконфессиональные отношения» был прочитан впервые в 2009 году, прошел апробацию в рамках магистерской программы ГМУ в 2013–2016 гг., в БФ РАНХиГС.

Ожидается, что по мере прохождения материалов курса обучающиеся будут ознакомлены со значимостью и важностью проблемы межконфессиональных отношений, с их многообразием и социальной представленностью, широтой охвата областей общественной жизни, концептуальными и методологическими основами исследования, методологией и стратегией их изучения; иметь знания, владеть умениями и навыками оптимизации данных сфер межкультурного взаимоотношения.

В заключение следует отметить, что межконфессиональная стабильность является задачей весьма щепетильной, многогранной и находящейся в прямой корреляции с целой гаммой смежных социально-политических условий: экономических, социально-демографических (напряженность), наличия вооруженных конфликтов и многих других. Мероприятия по профилактике религиозного экстремизма, поддержания конфессионального мира и баланса приходится реализовывать на фоне множества противоречий: военных действий, законодательной эклектики, антагонии в сформированном общественном мнении, классовых, этнических, культурных и субкультурных и др. Реализация данных мер требует тщательно взвешенных подходов, адресного анализа территориальных и временных условий, следования нужной стратегии.

Литература

1. Кузьмин М.Ю., Конопак И.А., Синёва О.В. Проблема анализа методики «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда при помощи процедуры многомерного шкалирования. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2015;11:15–26.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/problema-analiza-metodiki-](https://cyberleninka.ru/article/n/problema-analiza-metodiki)

dvadtsat-utverzhdenny-m-kuna-i-t-makpartlenda-pri-pomoschi-protsedury-mnogomernogo-shkalirovaniya (дата обращения: 12.05.2023).

2. Kurachev D.G. The self-awareness of young adepts of the Hare Krishna cult. *Russian Education & Society*. 2012;54(2):16–34. DOI: 10.2753/RES1060-9393540202

3. Мухина В.С., Хвостов К.А. *Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания*. Архангельск: Архангельский областной институт переподготовки и повышения квалификации работников образования; 1995. 40 с.

4. Бобровников В. Парадоксы изучения современного ислама в России. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2018;1(36):310–322.

5. Курачев Д.Г. *Межконфессиональные отношения: формы и содержание (опыт философского анализа): монография*. Брянск: Академия при Президенте Российской Федерации, РАНХиГС Брянский филиал; 2012. 357 с.

6. Курачев Д.Г. *Перцептивная сторона межконфессионального общения молодежи (на материале религиозных сообществ Башкортостана): монография*. Уфа: Изд-во Гилем Академ. наук РБ; 2004. 376 с.

7. Брунер Дж. *Психология познания. За пределами непосредственной информации*. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1977. 413 с.

8. Tajfel H. (ed.) *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press; 1978. 474 p.

9. Костинская А.Г. Восприятие социальное. *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия; 1989. С. 99–100.

10. Гегель. *Наука логики*. Т. 3. М.: Мысль; 1972. 373 с.

References

1. Kuzmin M.Yu., Konopak I.A., Sinyova O.V. Problema analiza metodiki “Dvadtsat’ utverzhdenny” M. Kuna i T. Makpartlenda pri pomoshchi protsedury mnogomernogo shkalirovaniya [The Analysis of “Twenty Exercises” Method Introduced by M. Kuhn and T. Mcpartland Through Multidimensional Scaling]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology]. 2015;11:15–26. [Electronic source].

Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-analiza-metodiki-dvadtsat-utverzhdenny-m-kuna-i-t-makpartlenda-pri-pomoschi-protsedury-mnogomernogo-shkalirovaniya> (Accessed: 12.05.2023). (In Russian)

2. Kurachev D.G. Self-consciousness of young adherents of the Hare Krishna cult. *Russian education and society*. 2012;54(2):16–34. DOI: 10.2753/RES1060-9393540202

3. Mukhina V.S., Khvostov K.A. *Proektivnyy metod deprivatsii strukturnykh zven'ev samosoznaniya* [The projective method of depriving structural units of self-consciousness]. Arkhangelsk: Arkhangelsk Regional Institute of Retraining and Advanced Training of Educational Workers; 1995. 40 p. (In Russian)

4. Bobrovnikov V. Paradoksy izucheniya sovremennogo islama v Rossii [Paradoxes of the modern Islam study in Russia]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2018;1(36):310–322. (In Russian)

5. Kurachev D.G. *Mezhkonfessional'nye otnosheniya: formy i sodержanie (opyt filosofskogo analiza): monografiya* [Interfaith relations: forms and content (experience of philosophical analysis): monograph]. Bryansk: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, RANEPА Bryansk branch; 2012. 357 p. (In Russian)

6. Kurachev D.G. *Pertseptivnaya storona mezhhkonfessional'nogo obshcheniya molodezhi (na materiale religioznykh soobshchestv Bashkortostana): monografiya* [Perceptual side of interfaith communication of youth (based on the material of religious communities of Bashkortostan): monograph]. Ufa: Gyilem Publishing House of Bashkortstan Academy of Sciences; 2004. 376 p. (In Russian)

7. Bruner J. *Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii* [Psychology of cognition. Beyond the immediate information]. Tr. from English. Moscow: Progress Press; 1977. 413 p. (In Russian)

8. Tajfel H. (ed.) *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press; 1978. 474 p.

9. Kostinskaya A.G. *Vospriyatие sotsial'noe* [Social perception]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Soviet Encyclopedia Press; 1989, pp. 99–100. (In Russian)

D.G. Kurachev, L.G. Kuracheva

Perceptual domain and coordination control in interfaith relationships

Minbar. Islamic Studies. 2023;16(4):934–956

10. Hegel. *Nauka logiki* [The Science of Logic]. Vol. 3. Moscow: Mysl Press; 1972. 373 p. (In Russian)

Информация об авторах

Курачев Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Брянский филиал, г. Брянск, Российская Федерация.

Курачева Лариса Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация.

About the authors

Dmitry G. Kurachev, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Bryansk branch, Bryansk, the Russian Federation.

Larisa G. Kuracheva, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 августа 2023
Одобрена рецензентами: 06 октября 2023
Принята к публикации: 06 ноября 2023

Article info

Received: August 28, 2023
Reviewed: October 06, 2023
Accepted: November 06, 2023